

нительно ограниченный круг слов, т. е. единичные, конкретные счисляемые существительные, в которых могло иметь место конкретно-пространственное противопоставление одного предмета группе сходных предметов. Остальные же разряды существительных, значение которых не предусматривало этого противопоставления, — например, имена абстрактные, вещественные, и т. п., — оказывали сопротивление употреблению артикля. Во-вторых, по мере того, как детерминативы *ille* и *unus* стали закрепляться в своем употреблении за определенными разрядами существительных, превращаясь тем самым в артикль, в них стали развиваться такие смысловые оттенки, которые соответствовали общему значению обслуживаемого ими разряда существительных. При этом конкретные лексические оттенки этих детерминативов стали отступать на задний план. Это и понятно — чем конкретнее значение грамматического форманта, тем уже круг той лексики, которую он обслуживает. Так, у определенного артикля постепенно ослабевают конкретно-пространственные оттенки, над которыми начинает постепенно преобладать общее значение определенности предмета, которое было заложено еще в латинском *ille*. Поэтому, если в латинском языке конструкция *ille* (*hic, iste*) *homo* означала: вот тот, находящийся около него (меня, тебя) человек, то в старофранцузском формула *l'om* означает: человек, известный обоим собеседникам, без пространственного указания. Эти изменения сводятся к отступлению конкретных оттенков (пространственно-указательный у *ille*, числовой у *unus*) с одновременным выдвиганием более общих значений (определенности и неопределенности), которые и соответствуют грамматической природе этих существительных. Формирующийся артикль как бы впитывает, вбирает в себя те общие значения, которые объединяют все существительные, входящие в разряд единичных, конкретных, счисляемых имен. Получая особое грамматическое оформление, эти общие значения (определенность и неопределенность) ложатся в основу изменений этих существительных — изменений, которые на первых порах носят еще синтаксический характер.

Появление определенного и неопределенного артиклей и их регулярное употребление при некоторых разрядах существительных вызывает к жизни грамматизацию неупотребления артикля — так называемый «нулевой» артикль, обслуживающий те разряды существительных, которые остались вне сферы употребления определенного и неопределенного артиклей. Таким образом, неупотребление артикля становится средством выявления значений собирательности — ср. *franc e paien i fierent des espees* (Ch. de Rol., 3561) — «французы и язычники скрещивают мечи»; несчисляемости — ср. *je vos cuirrai or e argent assez* (там же, 75) — «я вам дам достаточно и золота и серебра»; абстрактности — *aimet il traisum et murdris* (там же, 136) — «любит он измену и жестокость»; вообще «распредмечивания» существительного и его перехода в другую категорию. Ср. *espeguns d'or* (Ch. de Rol., 345) — «золотые шпоры».

Таким образом, возникновение грамматического значения артикля, а следовательно и самой категории артикля, вовсе не представляется механическим соединением некой «бестелесной» логической или понятийной (что в данном случае одно и то же) категории с той или иной грамматической формой. Грамматическое значение артикля не было привнесено извне, оно развилось из того общего, что роднило все слова, входящие в разряды, которые обслуживались детерминативами *ille* и *unus*. Это общее значение потому было воспринято соответствующими детерминативами, что лексическое значение последних больше всего соответствовало ему; в свою очередь, это соответствие и обусловило преобразование значения *ille* по линии его расширения и грамматизации. Артикль явился единым грамматическим средством закрепления определенных достижений человеческого мышления, его формы обобщили и кристаллизовали в себе значения определенности и неопределенности, конкретности и абстрактности и т. п., существовавшие до этого в виде нечетких, ускользающих от внимания оттенков, заключен-